

Изибаева М.В.

Психологический аспект изучения творчества М.Ю. Лермонтова («Герой нашего времени»)

В наше время актуальной представляется проблема изучения творчества писателей на основе психологического литературоведения, которое предполагает анализ литературного текста с точки зрения выраженности в нем отклонений психопатологического плана. В.П. Белянин в своей книге «Психологическое литературоведение» посредством психиатрического анализа выделяется ряд типов текстов, каждый из которых является опосредованным продуктом порождения определённой акцентуации. Объектом нашего исследования выступает возможность проведения анализа на основе литературоведческого и психоаналитического подходов. Предметом будут являться депрессивные акцентуации в романе «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Научная новизна работы заключается в принципиально новом подходе к анализу литературного произведения, который предполагает литературоведческое и психоаналитическое его рассмотрение. Подобный подход к анализу открывает дополнительные возможности для наиболее полного анализа сущности персонажа, а также позволяет установить причинно-следственные связи между его характером и поступками. Вместе с тем определение общей эмоционально-смысловой доминанты текста и выделение семантических комплексов всего текста позволяют установить авторское мировосприятие и выделить акцентуации характера самого писателя. Исходя из всего вышесказанного, целью нашего исследования является выделение депрессивных акцентуаций в произведении «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова.

На основе типологической классификации текстов В.П. Белянина, основанной на выявлении акцентуации характера автора, было установлено, что роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» относится к типу «печальных» текстов. Психологическая основа «печальных» текстов позволяет

выявить в них «корреляцию с депрессивностью и меланхолией» [1, с.140]. «Картина мира депрессивной личности как будто покрыта траурным флёром, жизнь кажется бессмысленной, во всём они отыскивают только мрачные стороны. Это прирождённые пессимисты. Депрессивные личности чрезвычайно чувствительны ко всяким неприятностям, иной раз очень остро реагируют на них, а кроме того, какое-то неопределённое чувство тяжести на сердце, сопровождаемое тревожным ожиданием несчастья, преследует постоянно многих из них. Психологический портрет депрессивной личности содержит противоречивые черты. С одной стороны, мягкость, спокойствие, приветливость, чуткость и доброе отношение к людям, с другой – пессимизм, неуверенность в себе, склонность к чувству вины. Это есть основа амбивалентной (конфликтной в данном случае только внутренне) установки личности с депрессивной акцентуацией» [1, с.147]. Депрессивность также определяется эмоционально-смысловой доминантой текста, проявляющейся в семантических комплексах: «возраст», «смерть», «одиночество», «обнищание», «холод», «немота», «запах», «вздых», «тяжесть».

Рассматривая роман «Герой нашего времени», следует отметить, что прежде всего, черты депрессивных акцентуаций находят отражение в образе главного героя романа Печорине. Мироощущение героя проникнуто чувством разочарования и тоски, ему также характерно непонимание своего смысла жизни: «Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашивая себя невольно: зачем я жил?... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных...» [5, с.643]. Герой чувствует необратимость прошлого, он понимает, что когда-то, разменявшись по мелочам, он истратил свои лучшие годы и силы на удовлетворение личных потребностей, не исполнив более высоких стремлений своей души. Он задушил когда-то в себе свои лучшие порывы, разочаровавшись в мире и в своей жизни: «Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли... Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала,

она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил...» [5, с.657]. Как отмечает В.И. Коровин, «опыты Печорина каждый раз демонстрируют самому герою бессмысленность бытия и роковую неопределенность цели жизни. Метания выглядят бесполезными и ненужными, эксперименты ничего в будущем не сулят, потому что ничего нового не приносят душе: после минутного развлечения следует горькое отрезвляющее разочарование» [4, с.37]. Так, герой не видит в настоящем ничего, за что он мог бы зацепиться и полюбить жизнь во всей ее сущности. Мы убеждаемся в этом в одном из монологов Печорина: «Я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге» [5, с.656]. Это разочарование жизнью, миром также передается в тексте семантическим комплексом «разочарования», «подчиненности»: «жизнь не стоит того, чтобы о ней заботиться», «жизнь становится пустее день ото дня», «утомленный, закрыл глаза и зевнул», «равнодушие», «задумчивее», «больше не способен безумствовать», «честолюбие у меня подавлено обстоятельствами», «отпечаток неизбежной судьбы», «не имея надежды», «предопределение», «безумное отчаяние», «фаталист», «так уж на роду написано» и др. Семантический комплекс «разочарования» тесно сплетается с комплексом, характеризующим «грусть». Чувство грусти, охватывающее героя, становится результатом понимания героем необратимости содеянного. Особенно ярко близость этих комплексов проявляется в следующем высказывании, принадлежащем самому герою: «грустно видеть, когда юноша теряет лучшие свои надежды и мечты, когда пред ним отдергивается розовый флер, сквозь который он смотрел на дела и чувства человеческие» [5, с.601]. Следует отметить, что оба комплекса являются составляющей частью одной эмоционально-смысловой доминанты депрессии.

Через сопоставление внутреннего состояния персонажа в его прошлом и настоящем проигрывается и столь характерная для творчества Лермонтова ситуация нравственно-оценочной рефлексии. И.П. Карпов указывает, что прошлое вспоминается и переживается как греховное, т.е. герой осознает, что

ошибки прошлого являются причиной неудовлетворенности и несчастья в настоящем. Белянин также отмечает, что «герой «печальных» текстов в молодости совершает ошибки и, оценивая свою жизнь как череду ошибок, неудач и трудностей, постоянно ощущает одиночество»[1, с.150]. Одиночество в романе также сопровождается ощущением отчуждения и неприятием законов окружающего мира. В одном из своих самых проникновенных монологов герой отмечает, что неприятие и непонимание его обществом погубило в нем доброе начало и породило в нем чувство одиночества: «Да, такова была моя участь с самого детства! Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали – и они родились. Я был скромн – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен... Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть...» [5, с.611]. Проблема одиночества и отчужденности становится одной из главных проблем современного общества. В мире, где царит непонимание и неприятие, каждый чувствует одиночество. Так, и герои романа одиноки каждый по-своему (Максим Максимыч, Вернер, Бела). Семантический комплекс «одиночество» представлен в романе следующим рядом слов: «один на один», «молча смотрели», «одна девка и один мужчина», «один кабардинец», «один голос», «изгнанница», «уехал один», «одинокая лодка», «печать отвержения», «сидела задумчиво», «уединение», «я один», и др. Одиночество еще более усиливает трагизм положения героя, а также становится толчком для того, чтобы герой ставил во главу угла лишь свои личные переживания и стремления и руководствовался только ими при достижении каких-то целей. Но автор отмечает, что удовлетворение личных эгоистичных устремлений не способно принести герою настоящего счастья. Обреченность героя и понимание им недостижимости истинного счастья порождают в нем чувство отчаяния в настоящем и осознание беспросветности будущего. Жизнь в рамках такого мироощущения предстает тяжелой, в тексте это передается наличием семантического класса «тяжесть»: «трудно было», «тяжело вздохнув», «вид

человека был бы мне тягостен», «тяжелое предчувствие», «тяжелый сон усталости», «обвал», «придавил», «на сердце камень» и др. В результате жизнь кажется герою настолько тяжелой, трагичной, бессмысленной, что смерть воспринимается им как избавление от своего мучительного существования. «Ничтожность итогов и повторяемость их и образует духовный круг, в котором замкнут герой. Отсюда появляется мысль о смерти как наилучшем выходе из порочного и заколдованного, как бы заранее predeterminedного круговращения» [3, с.76].

«Произведения очень часто завершаются смертью главных героев. Смерть выглядит спасением от тяжестей жизни. В «печальном» тексте и обнищание, и трудности, и смерть неизбежны. Все фатально предрешиено. Эпиграфом ко многим «печальным» текстам может быть фраза, раскрывающая фатализм: «Все будет так, как должно быть, даже если это будет иначе» [1, с.149]. Об этом свидетельствует в тексте распространенный семантический комплекс «смерти»: «смертельный», «мертвый сон», «бледнеет и сохнет», «как мертвый», «смерть», «умерла», «лежала неподвижная, бледная», «перед смертью», «умрет непременно», «заказывать гроб», «она скончалась», «умер с горя», «хотели утопить», «пора умирать», «плакал над умирающим солдатом», «до гроба», «умереть без крика и без слез», «умирающий ветер», «убитого», «умирающая прохлада ночи», «читал печать смерти», «должен умереть», «они были бледны как смерть», «неминуемая смерть», «за пол часа до смерти» и др. На протяжении всего повествования близость смерти постоянно сопровождает героя: умирает Бела, ее отец, умирает лошадь Печорина, сам герой убивает Грушницкого, зарезывают Вулича. Печорин не только не боится, но и сам играет со смертью (дуэль с Грушницким, сцена захвата убийцы в «Фаталисте»). Таким образом, герой понимает, что в прошлом сделано много ошибок, и его уже не вернуть, настоящее для него предстает тягостным и безрадостным, а будущее видится совершенно беспросветным. В рамках такого мироощущения смерть предстает как спасение от страданий.

В «печальных» текстах частотно совместное употребление компонентов «смерть» и «запах». В данном тексте также встречаются подобные примеры: «кругом ее могилки теперь разрослись кусты белой акации и бузины» (Бэла), «она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге» (княжна Мери). При этом нельзя не отметить еще одну особенность «печальных» типов текстов, в которых частотны описания обонятельных ощущений и, в частности, приятного запаха» [1, с.153]. Семантический комплекс приятного «запаха» передается с помощью целого ряда слов: «ветки цветущих черешен», «воздух чист и свеж», «неизъяснимым ароматом», «с жадностью глотаю я благородный воздух», «свежесть ароматического воздуха, отягощенного испарениями высоких южных трав и белой акации», «тихая поляна, среди которой цветет зеленый мирт», «жадно вдохнул на себя раза два свежий воздух южной ночи». «Психолингвистический анализ показывает, что семантические элементы типа «запах», «испарение» находятся в конкордансе в «печальных» текстах с другими элементами – словами, обозначающими дыхание, вздох» [1, с.155]. В данном тексте семантический комплекс «вздох» представлен следующими словами: «воздух становился так редок, что было трудно дышать», «холодное дыхание», «душно и тесно, как орлу, который с криком бьется о решетку железной своей клетки», «тяжело вздохнув», «задыхаясь», «тяжелее дышит».

Частотен и психологически релевантен такой семантический компонент, как «холод». «При этом холодно бывает персонажам как перед смертью, так и после чьей-то гибели»: «покрытые слоями снега», «продрогли на снегу», «мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее», «холодеющие губы», «мороз пробежал по коже», «день был сырой и холодный», «холодные вершины», «серебряная цепь снеговых вершин», «руки были холодны как лед», «сверкали снеговые горы», «ума холодных наблюдений», «лежали тяжелые, холодные тучи», «холодный кипяток нарзана», «умирающая прохладная ночь», «губки,

посиневшие от ночного холода», «висели груды снега», «превращался в лед», «ночные морозы», «ледяная кора» и др.

Таким образом, анализ романа «Герой нашего времени» позволил установить его принадлежность к «печальным» текстам с депрессивной акцентуацией, что определяется следующими причинами мироощущения героя: прежде всего, это состояние одиночества героя и его отчужденность как результат неприятия окружения, не способного понять его внутреннего мира. Одиночество также усугубляется осознанием бессмысленности своего бытия, разочарованием Печорина в своей жизни. Понимание своей обреченности, а также невозможность что-либо изменить в своей жизни вызывают чувство грусти и тоски. Настоящее и будущее ему видятся лишь в мрачных и холодных тонах, и, как следствие, жизнь в рамках такого мироощущения предстает тяжелой и изнурительной, она приносит лишь страдания, поэтому смерть в данном случае воспринимается как единственное спасение от тягот жизни.

Наличие депрессивных акцентуаций в творчестве М.Ю. Лермонтова следует рассматривать как результат субъективных и объективных факторов. Изучение биографических сведений жизни писателя, предпосылок его творчества позволило определить, что Лермонтову было свойственно депрессивное видение мира, основанное на противопоставлении себя обществу, неприятию окружающего мира, чувстве одиночества и в осознании обреченности любых попыток изменить или преобразовать мир, которое овладело им еще в детские годы (смерть матери, вечная борьба бабушки с отцом). Существенное влияние оказала и сама эпоха 20-30-х годов XIX века, в которую пришлось становление и расцвет творчества Лермонтова. Идеальный кризис был связан прежде всего с поражением декабристского восстания и николаевской реакцией во всех сферах общественной жизни. Как отмечает А.Б. Есин, Лермонтов выступил подлинным выразителем духовной жизни России 30-х годов, и в его мирозерцании с исключительной полнотой отразились характерные свойства общественного сознания эпохи. Так, в его творчестве закрепляется «сознание человека, брошенного в водоворот противоречий,

стоящего перед зрелищем краха, разрушения, перед хаотическими обломками своих верований и надежд, человека, ощущающего свою противопоставленность целому миру, свое одиночество атома в распавшейся связи времен»[2, с. 67]. Проявление пессимистичных настроений времени, а также склонность самого писателя к депрессивному видению мира послужили неким фундаментом для создания «печальных» текстов с депрессивной акцентуацией в творчестве М.Ю. Лермонтова.

Библиографический список:

1. Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров читателя. – М.: Генезис, 2006. – 320 с.
2. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.
3. Карпов И.П. Человек творящий. Ч. 1: Православные традиции в русской литературе XIX века. – М.: Дрофа, 2009. – 222с.
4. Коровин В.И. М.Ю. Лермонтов в жизни и творчестве. – М.: Русское слово, 2003. – 88 с.
5. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени: Стихотворения. Поэмы. Роман. – М.: Эксмо, 2008. – 672 с.